

УДК 159.99; 316.6

А. А. Реан

**СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ
КАК ФАКТОР ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

44

Анализируется вопрос о взаимосвязи установок и социального поведения с такими факторами, как сила – слабость, четкость – амбивалентность установки, а также влияние фактора ситуации. Рассматриваются результаты эмпирических исследований ценностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи и в борках старшеклассников и студентов. Исследуются взаимосвязи социальных установок и асоциального поведения детей и подростков. Обсуждаются вопросы влияния на их асоциальное поведение структурной и психологической деформации семьи.

Подчеркивается, что в плане детерминации социального поведения несовершеннолетних приоритет принадлежит психосоциальной деформации семьи. Отмечается, что недостаточный контроль за ребенком является более важным фактором делинквентности, чем неблагоприятное социально-экономическое положение.

Показано, что центральное место в системе отношений детей и подростков принадлежит матери. Установлено, что снижение положительного отношения к ней, увеличение негативных дескрипторов при описании матери коррелирует с таким ростом негативизации всех социальных отношений личности.

Особо указывается, что взаимоотношения между родителями и детьми, характеризующиеся напряженностью, как и высокая конфликтность, в наибольшей степени способствуют формированию у ребенка агрессии как способа разрешения межличностных конфликтов.

This article analyses the correlation between attitudes and social behaviour and such factors as strength/weakness and clarity/ambivalence of an attitude and the situation. The author considers the results of empirical studies into value orientations and moral and psychological attitudes based on samples of senior school students and university students. The article studies correlation between social attitudes and asocial behaviour in children and adolescents. The influence of structural and psychological family deformation on asocial behaviour is discussed.

It is stressed that in identifying asocial behaviour of the underage, priority is given to the psychosocial deformation of the family. A lack of supervision is more important delinquency factor than an adverse socioeconomic situation.

It is emphasised that the mother plays the central role in the system of relations of children and adolescents. A decrease in positive attitude to the mother and an increase in the number of negative descriptors when speaking of her is correlated with growing negativisation of all social relationships of a personality.

It is stressed that parent-child relationships characterised by inconsistency and propensity to conflict contribute to the development of aggression in a child as a means to resolve interpersonal conflicts.

Ключевые слова: агрессия, асоциальное поведение, делинквентность, принцип агрегации, семья, социализация, социальные установки, спланированное поведение.

Key words: aggression, antisocial behavior, delinquency, principle of aggregation, family, socialization, social attitudes, planned behavior.

В большинстве случаев за любым асоциальным, делинквентным поведением стоит искаженная в морально-психологическом плане картина мира, деформированные, асоциальные установки. Конечно, современной психологии известно, что между установками личности и ее поведением нет абсолютной зависимости. Однако различные выводы об отсутствии связи установки с поведением, особенно, о невозможности прогнозировать поведение на основе установок личности, которые появились после известного эксперимента Р. Ла Пьера (La Pier, 1934), к настоящему времени претерпели существенные изменения и уже не являются столь категоричными и однозначными, что следует из работ М. Хьюстона, В. Штребе [21], Д. Майерса [12], Г.М. Андреевой [1], А.Л. Свенцицкого [19] и др. В настоящее время считается доказанным, что важным условием соответствия установки и поведения является требование, чтобы установка была достаточно сильной и четкой. Несоответствие же чаще всего наблюдается в случаях, когда установка слаба или амбивалентна, то есть имеет оба эти качества одновременно. Важную роль, конечно, играет и фактор ситуации. В тех случаях, когда ситуация оказывает сильное давление на личность, имеющая установка может и не работать.

Как установлено работами Д. Майерса [12], М. Хьюстона, В. Штребе [21], одним из важных положений современной психологии установки стало определение принципа агрегации: воздействие установки на поведение становится более четким и очевидным, когда мы рассматриваем личность и поведение в целом, а не какой-либо отдельный поступок. Иллюстрацией этого принципа, например, можно назвать результаты следующего эксперимента. Как оказалось, имеющаяся установка на сохранение окружающей среды в городе своего проживания коррелировала, в частности, с отдельными актами поведения жителей, участвующих в эксперименте: подписать одно из воззваний против выхлопных газов, выйти в конкретный день на уборку мусора, привлечь друга к такой работе и т.п. Но совокупная оценка «экологического» поведения по 16 позициям (которые соответствовали различным актам поведения), как показано в работах М. Хьюстона, В. Штребе [21] и других авторов, уже дает высокую ($p \leq 0,001$) корреляцию между установкой и поведением.

Таким образом, из всего этого следует не тотальное отрицание влияния установки на поведение, а только то, что определенные установки не всегда выражаются в соответствующем поведении, и чаще по причине действия тех или иных сдерживающих факторов. Некоторые авторы насчитывают до 40 различных факторов, осложняющих связь

в паре «установка — поведение», на что обращает внимание, например, Д. Майерс [12]. Вместе с тем, если определенное асоциальное поведение имеет место быть, то за ним стоят и соответствующие установки личности, обуславливающие ее готовность к такому асоциальному поведению. Исключения составляют лишь случаи непредумышленного, случайного делинквентного поступка или поступка, совершенного под сильным ситуационным давлением. Подчеркнем принципиальный момент: именно поступка, а не систематического девиантного, делинквентного поведения личности. Или, как было замечено Ральфом Уолдо Эмерсоном (Ralph Waldo Emerson) еще в 1841 г., «... действие рождается от мысли».

В этом контексте результаты некоторых исследований личностных ориентаций, морально-психологических установок молодежи не могут не настораживать. Так, в одном из подобных исследований старшеклассников попросили выбрать те поговорки, которые наиболее точно отражают их жизненную позицию (в списке предлагалось 40 пословиц и поговорок, из которых ребята должны были отметить лишь 10 наиболее близких им). Выборочную совокупность составили свыше 1700 человек в возрасте 14–17 лет из всех районов одной из областей Центральной России. Выборка была репрезентативной по половому, возрастному и социальному составу старшеклассников.

Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, характеризующие жизненную позицию старшеклассников.

В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорки...: «Что наша честь, если нечего есть?» (9 %); «Работа — не волк, в лес не убежит» (93 %); «От трудов праведных не нажить палат каменных» (93 %); «С волками жить — по-волчьи выть» (81 %); «Стыд — не дым, глаза не выест» (81 %); «Своя рубашка ближе к телу» (79 %); «Скупость — не глупость» (76 %); «Не делай добра — не получишь зла» (73 %); «Говоришь правду — теряешь дружбу» (67 %); «Собаки грызутся — третья не лезь» (48 %)...

Обращает на себя внимание и то, что многие достаточно известные пословицы и поговорки русского народа, в которых выражается традиционная социальность, не получили массовой поддержки у старшеклассников и не вошли по количеству отметивших их на последних позициях.

«...имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (9 %); «Правда в огне не горит и в воде тонет» (3 %); «Где родился — там и пригодился» (3 %); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалея» (2 %); «Родина — мать, умей за нее постоять» (2 %); «Чужое добро впрок не пойдет» (2 %); и всего по одному человеку выбрали «Бедность — не порок»; «Не в деньгах счастье» [11].

Практически такие же результаты были получены и на выборке студентов. Различия, да и то совсем небольшие, отмечались лишь в числовых показателях процентов, но никак не касались самой иерархии ценностей, предпочтений, жизненных позиций. Вот наиболее часто отмечаемые пословицы, точнее всего характеризующие жизненную позицию студентов:

В отношениях с другими людьми я придерживаюсь поговорок...: «От трудов праведных не нажить палат каменных» (89 %); «Что наша честь, если нечего есть?» (83 %); «Своя рубашка ближе к телу» (73 %); «Работа — не волк, в лес не убежит» (73 %); «С волками жить — по-волчьи выть» (71 %); «Стыд — не дым, глаза не выест» (69 %); «Скупость — не глупость» (66 %); «Не делай добра — не получишь зла» (63 %); «Говоришь правду — теряешь дружбу» (61 %); «Две собаки грызутся — третья не лезь» (58 %).

Что касается известных пословиц и поговорок, выражающих традиционную социальность русского человека, то значительная часть не получила поддержки и у студентов, оказавшись по числу избравших их в конце списка:

«Не имей 100 рублей, а имей 100 друзей» (12 %); «Правда в огне не горит и в воде не тонет» (6 %); «Где родился — там и пригодился» (5 %); «Для Родины своей ни сил, ни жизни не жалеи» (1 %); «Мать, умей за нее постоять» (1 %); «Чужое добро впрок не пойдет» (1 %); «Бедность — не порок» (2 человека); и один человек — «Не в деньгах счастье» [7].

Это, несомненно, не только тревожащие, но и шокирующие результаты. Несколько позволяет сгладить шок, пожалуй, то обстоятельство, что в соответствии с теорией установок наиболее сильно и прямо определяется только спонтанное поведение личности. С так называемым продуманным (или спланированным) поведением, к счастью, дело обстоит несколько сложнее. Теория спланированного поведения [24; 25] утверждает, что оно точнее и лучше всего определяется не одним, а тремя факторами (или составляющими): установки личности по отношению к конкретному поступку, к субъективным нормам, к возможностям контроля своих действий. Первый фактор связан с утверждением, что для прогноза поведения личности важна не общая установка, а конкретная, то есть конкретное отношение человека к поступку, о котором он думает. Второй фактор позиционирует то, что для успешного предсказания поведения человека необходимо знать его субъективные нормы, то есть его представления о том, как близкие ему люди воспримут, отнесутся к совершаемому поступку. И, наконец, третий фактор связан с представлением человека о легкости, с которой он может совершить или не совершить поступок. Э. Аронсон, Т. Уилсон, Р. Эйкерт [2] подчеркивают, что если человеку кажется, что поступок совершить трудно, тогда представление совершить его серьезно ослабевает; если же человек считает, что определенный поступок совершить легко, то возникает сильное желание именно так и поступить.

Таким образом, с одной стороны, представление подростка об отрицательном отношении семьи, родителей, близких к поступку, побуждаемому негативными установками, снижает вероятность его осуществления. Но, с другой стороны, дело осложняется тем, что сами эти установки все-таки не возникают из пустоты, а формируются, в частности, в самой семье, в процессе семейной социализации. А следовательно, они могут отражать и соответствовать установкам, господствующим в семье, у родителей и близких. Но в этом случае — в соответствии с

теорией спланированного поведения — реализация поступков, которые соответствуют вышеуказанным негативным установкам, облегчается, становится более вероятной.

Долгое время считалось, что социально отклоняющееся развитие личности связано со структурной деформацией семьи, под чем понимается просто неполная семья — отсутствие одного из родителей (чаще отца). Статистические данные по преступности несовершеннолетних, полученные в разных странах мира, подтверждали этот вывод. Однако в 1960–1970-е гг. обнаружилась другая тенденция. Сначала разница между полными и неполными семьями по количеству «преступных» подростков-правонарушителей стала неуклонно сокращаться, а затем практически полностью исчезла. В настоящее время считается, что основным фактором негативного влияния семьи на развитие личности является не структурная, а психосоциальная деформация семьи. И это общемировая тенденция.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что структурная деформация семьи все-таки крайне нежелательна. Она в определенной мере обуславливает развитие социальных девиаций личности, особенно если круг этих девиаций не сводить только к правонарушительному поведению. Да и по вкладу в делинквентность данные различных исследований по этой проблеме достаточно противоречивы. Так, в одном из российских исследований отмечается, что в структурно деформированной (то есть неполной) семье проживает около 50 % подростков-делинквентов. Это значит, что вторая половина идет в полную семью. А вот проблемы с различными проявлениями психосоциальной деформации семьи, как установлено в работе В.Л. Бартола [10], оказываются характерными для более 70 % подростков-правонарушителей.

В целом же, когда мы говорим о степени влияния на формирование асоциальности и делинквентности несовершеннолетних психосоциальной деформации, собственно структурной деформации семьи, надо отдавать себе отчет в том, что это не изолированные полярные категории. Психосоциальная деформация — понятие более широкое, чем структурная деформация, ведь первая может быть присуща как полной, так и неполной семье.

Связь между воспитанием ребенка в неполной семье и делинквентностью в значительной мере усложняется наличием многих других факторов. Например, вполне очевидно, что существует зависимость между уровнем и социально-экономическим статусом семьи. Но, как подчеркивается в работах Сампсона и Вильсона, К. Бартола [5], обобщение данных многочисленных исследований четко показывает, что бедность является одним из наиболее надежных признаков, позволяющих прогнозировать подростковую преступность, как среди юношей, так и среди девушек. Бедность влияет на семью по разным направлениям, одним из которых является возможное изменение поведения родителей. Так, стресс, обусловленный бедностью, как показано в работах Хаммонда и Юнга, а также К. Бартола [5], уменьшает способность родителей осуществлять благоприятное и непротиворечивое воспитание.

Недостаточный надзор за ребенком, характерный для так называемого безучастного стиля воспитания, присущ семьям как с высоким, так и с низким социальным статусом, как полным, так и неполным. Вместе с тем именно недостаточный надзор, как было установлено во многих исследованиях, значимо коррелирует с делинквентностью и с агрессией, о чем убедительно говорят Р. Блэкборн [6] и другие авторы. Более того, в исследованиях Вильсона (1987) было показано, что плохой контроль со стороны матерей является более важным фактором в различении делинквентов и не делинквентов, чем неблагоприятное социально-экономическое положение семьи или даже криминальные родители (Р. Блэкборн [6]).

Важнейшим механизмом негативного влияния семьи на развитие личности является социализация в семье по отклоняющему типу. Асоциальные ценности, нормы и стереотипы поведения могут усваиваться по механизму научения и подражания, если именно такие ценности и нормы доминируют в данной семье. При этом характерные социально отклоняющегося развития, как показано в работах А. Бандуры [3], А. Бандуры, Р. Уолтерса [4], Р. Бэрона, Д. Ричардсона и других, может идти тремя путями: за счет прямого декларирования асоциальных ценностей и норм и подчеркивания, «что только так и можно достичь успеха»; за счет проявления асоциального поведения при непосредственном взаимодействии родителей с ребенком; за счет наблюдения ребенком в реальном поведении родителей социальных отклонений, даже если на речевом уровне ими декларируется приверженность просоциальному поведению и просоциальной шкале ценностей.

Формирование просоциального поведения личности связано не только с отсутствием поощрения или активного наказания за асоциальное поведение, но и с активным (может быть, даже в первую очередь) с активным социальным научением просоциальным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных функций личности. Ведь, как установлено в одном из зарубежных исследований [28], наиболее выраженные различия между детьми с деструктивным и конструктивным социальным поведением обнаруживаются не в личностном предпочтении деструктивных альтернатив, а в незнании конструктивных решений. Таким образом, процесс социализации конструктивного поведения включает в себя приобретение системы знаний и социальных навыков, а также выработку системы личностных диспозиций и установок, на основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Другим важным механизмом влияния семьи на развитие социальных девиаций и асоциального поведения личности выступает эмоциональное пренебрежение ребенком, «неценностное» отношение к нему. Так называемый безучастный, или игнорирующий, тип воспитания, при котором дети становятся «ловцами, искателями внимания», наиболее сильно связан с последующей делинквентностью. В некоторых исследованиях, о чем, например, пишет Р. Блэкборн [6], было установлено, что 84 % детей, бывших «ловцами внимания» в восьмилетнем воз-

расте, в 14 лет имели дело с полицией. Существует огромное число работ, которые убедительно показывают зависимость между негативными взаимоотношениями в системе «родители — ребенок», недостаточностью эмоциональности в семье и социально отклоняющимся развитием личности. Так, установлено, что если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки в их оценках или если ребенок не ощущает родительской поддержки и опеки, то вероятность противоправного поведения существенно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, проявляются агрессивность по отношению к собственным родителям.

Важнейшим условием эффективной социализации и предупреждения становления отклоняющихся форм поведения можно назвать развитие мотивации привязанности, посредством которой у ребенка появляется необходимость в интересе, внимании и любви окружающих, и в первую очередь — собственных родителей. В качестве вторичного подкрепления привязанность затем может обуславливать приспособление ребенка к социальным требованиям и нормам, то есть к про-социальному поведению. В этой связи следует подчеркнуть, что значительную роль в развитии социально отклоняющегося поведения играет не только социальное научение как таковое, но и фрустрация, возникающая при отсутствии родительской любви и при постоянном применении наказаний со стороны, либо одного, либо обоих родителей.

Особое место в системе отношений детей и подростков, конечно, принадлежит матери. Так, в исследовании А.А. Реана и М.Ю. Санниковой было показано, что в системе отношений подростка к социальному окружению (в том числе к отцу, а также к сверстникам) именно отношение к матери является наиболее положительным. Было установлено, что снижение качества родительского отношения к матери, увеличение негативных факторов (характеристик) при ее описании коррелирует с общими тенденциями негативизации всех социальных отношений личности. Можно полагать, что за этим фактом стоит фундаментальный феномен проявления тотального негативизма (негативизма ко всем социальным объектам, явлениям и нормам) у тех личностей, для которых характерно негативное отношение к собственной матери. Установлено, что в целом негативное отношение к собственной матери — важный показатель более неблагоприятного развития личности.

В последние годы выявляется устойчивая тенденция снижения роли отца, его значимости и влияния на воспитание и становление личности ребенка. Так, в фундаментальном исследовании под названием «Семья и родительство в современной России» было установлено, что доля тех, кто назвал отца значимым лицом, оказавшим в процессе взросления на личность наибольшее влияние, снизилась с 41,1 % (в старшей возрастной группе 40—44 года) до 31,8 % (в молодежной группе 16—19 лет).

Чем слабее становилась фигура отца, тем более укреплялась в сознании респондентов фигура матери. В молодежной группе (16—19 лет) доля тех, кто оценивал ее роль как самую значительную, составила 73,3 %, в то время как в старшей возрастной группе (40—44 года) таких было 61,9 % [17].

На роль отца в родительской семье влияют не только возраст, но и другие факторы. Например, уровень достатка. В бедных семьях влияние отца отметили только 26,8 % опрошенных, в семьях со средними или высокими стандартами жизни — 40,7 %. Таким образом, восприятие отца в значительной степени зависит от того, насколько успешно он справляется с ролью кормильца семьи.

Респонденты с высшим образованием оценивали роль отца выше, чем имеющие среднее образование (36,6 и 42,2 % соответственно). Однако эти различия оказались незначимыми [17].

Сегодня, пожалуй, уже не вызывает сомнения тот факт, что между строгостью наказания родителями своих детей и уровнем агрессивности последних существует положительная зависимость. Эта зависимость распространяется и на случаи, когда наказание является реакцией родителей на агрессивное поведение ребенка, которое используется в качестве воспитательной меры, направленной на снижение его агрессивности и формирование неагрессивного поведения.

В одном эксперименте изучалось агрессивное поведение детей-третъеклассников в связи особенностями стратегии родительского наказания [26]. К первому уровню реагирования (который, строго говоря, нельзя назвать наказанием) относились просьбы вести себя по-другому и поощрения за изменение поведения. Ко второму уровню (умеренные наказания) — словесное порицание, выговоры, брань; к третьему (строгие наказания) — физическое воздействие, шлепки, подзатыльники. В результате исследования обнаружилось, что те дети, которые подвергались со стороны родителей строгому наказанию, проявляли в поведении большую агрессию. Соответственно, характеризовались одноклассниками как агрессивные.

В другом исследовании было показано также, что вмешательство родителей при агрессии между братьями и сестрами может оказывать обратное действие и стимулировать развитие агрессии. Нейтральная позиция родителей, как следует из этой работы, оказывается предпочтительной. Самой неэффективной стратегией названо вмешательство родителей в форме наказания старших sibсов, так как в этом случае уровень вербальной, и физической агрессии в отношениях между братьями и сестрами оказывается наиболее высоким. Сходные результаты были получены и в других исследованиях [29].

Обобщая итоги подобных исследований приводит специалистов к формулированию предложения относиться к агрессии между sibсами особым образом — игнорировать ее, не реагировать на агрессивное взаимодействие братьев и сестер. Однако такой вывод представляется все-таки слишком радикальным. Иногда не реагировать на агрессию во взаимоотношениях братьев и сестер родителям просто невозможно, а подчас вредно и небезопасно. В ряде ситуаций (например, когда агрессивное поведение sibсов повторяется) нейтральная позиция родителей может только способствовать дальнейшей эскалации агрессии и даже создавать условия для социального научения агрессии, закрепления ее как устойчивого поведенческого паттерна личности, что имеет уже долгосрочные негативные последствия.

В исследовании, о котором мы говорили выше, изучались лишь две альтернативы реагирования родителей на агрессию между братьями и сестрами: 1) нейтральная позиция, то есть игнорирование фактов агрессии и 2) наказание детей (в одном варианте — старших, в другом — младших). Очевидно, при такой суженной альтернативе нейтральная позиция действительно оказывается относительно (но только относительно) лучшей. Однако возможны и другие способы родительского реагирования на агрессию между сибсами, которые не были здесь предметом изучения. Один из них — обсуждение возникшей проблемы, осуществление переговорного процесса, научение на конкретном примере возникшего конфликта конструктивным, неагрессивным способом его разрешения. Ведь, как экспериментально доказано в других исследованиях, агрессивные дети отличаются от неагрессивных в первую очередь именно слабым знанием конструктивных (альтернативных агрессивным) способов разрешения конфликтов.

Наиболее полной моделью неэффективных родительских приемов дисциплинирования, которая очень влияла на данную область исследований, считается теория «принудительного семейного процесса» Паттерсона [29] (см. также работу Д. Келнора [9]). Эта модель исходит из того, что обмены жесткими и, что особенно важно, непоследовательными, несогласующимися действиями между родителями и ребенком в конфликтах по вопросам дисциплины приводят к агрессии или асоциальному его поведению. Взаимоотношения между родителями и ребенком, характеризующиеся непоследовательностью (сначала слабость, затем жесткость), как и высокая конфликтность, в наибольшей мере способствуют научению ребенка агрессии как способу урегулирования межличностных конфликтов.

В этой связи интересно представляется тот факт, что лучшим прогностическим признаком совершения правонарушения в возрасте 10–13 лет оказалась *недисциплинированность* в более раннем возрасте. По-другому дело обстояло с теми, кто старше. Выяснилось, что осуждение за правонарушения в возрасте 17–20 лет точнее всего прогнозируется по таким факторам, как агрессивность в 12–14 лет и уровень нейротичной экстраверсии в 14 лет — это показали в своей работе А. Фернхем и П. Хейвен [20].

В современной психологической науке в рамках одной из наиболее авторитетных концепций личности, автором которой является А. Маслоу, принято считать, что потребность в любви и уважении входит в пятерку фундаментальных, базовых потребностей человека — наряду с потребностями выживания, то есть физиологическими, и потребностью в безопасности.

И здесь нужно обратить внимание на следующие чрезвычайно важные, на наш взгляд, обстоятельства. В 1960-е гг. в США приобрело популярность течение, связанное с таким воспитанием, когда родители минимально вмешиваются в жизнь ребенка, предоставляя ему максимальную свободу в принятии решений и, собственно, в жизни. Предполагалось, что это есть выражение уважения к личности ребенка, как бы либерально-демократический подход в практике воспитания. Од-

нако психологические исследования, проведенные отсроченно (спустя годы), показали, что именно дети, которых воспитывали подобным образом, имели во взрослой жизни больше проблем. И что особенно показательно, именно дети, выросшие в таких семьях, как подчеркивают П. Массен, Дж. Конджер и др. [13], отмечали наибольшую неудовлетворенность своим семейным детством. То есть оказалось, что предоставленная родителями свобода воспринималась не как особое доверие и уважение к личности ребенка, а как недостаток или даже отсутствие родительской любви и заботы.

Список литературы

53

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1988.
2. Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. М., 2002.
3. Бандура А. Теория социального научения. СПб., 2005.
4. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.
5. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.; М., 2004.
6. Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004.
7. Булатников И.Е. Развитие социальной ответственности личности: место и роль семьи // Прорывающая Россия — будущее твоей семьи: матер. проекта по гранту Президента РФ. Курск, 2009. С. 21–25.
8. Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 1997.
9. Коннор Д. Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков. М.; СПб., 2005.
10. Королев В.В. Психическое отклонения у подростков-правонарушителей. М., 1992.
11. Коротких М.Н. Развитие гражданского самосознания юношества в совместной деятельности семьи и школы: векторы перемен // Прорывающая Россия — будущее твоей семьи: матер. проекта по гранту Президента РФ. Курск, 2009. С. 135–136.
12. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997.
13. Развитие личности ребенка / П. Массен [и др.]. М., 1987.
14. Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология человека от рождения до смерти / под ред. А.А. Реана. СПб., 2006. С. 305–312.
15. Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология подростка / под ред. А.А. Реана. СПб., 2007. С. 324–337.
16. Реан А.А. Психология личности. СПб., 2013.
17. Семейное родительство в современной России. М., 2009.
18. Семейная психология, педагогика социальная работа / под ред. А.А. Реана. М., 2010.
19. Свенцицкий А.Л. Социальная психология. М., 2003.
20. Фернхем А., Хейвен П. Личность и социальное поведение. СПб., 2001.
21. Хьюстон М., Штребе В. Введение в социальную психологию. Европейский подход. М., 2004.
22. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М., 2007.
23. Эмерсон Р.У. Нравственная философия. Опыты. М., 2001.
24. Ajzen I. From intentions to actions: A theory of planned behavior // Action-control: from cognition to behavior. Heidelberg, 1985. P. 11–39.

25. Ajzen I., Fishbein M. Understanding attitudes and predicting social behavior. N.Y., 1980.
26. Eron L.D., Walder L.O., Toigo R., Lefkowitz M.M. Social class, parental punishment for aggression and child aggression // *Child Development*. 1963. № 34. P. 849–867.
27. Felson R.B., Russo N. Parental punishment and sibling aggression // *Social Psychology Quarterly*. 1988. № 51. P. 11–18.
28. Keltikangas-Jarvinen L., Kangas P. Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children // *Aggr. Behav.* 1988. № 4. P. 255–264.
29. Patterson G.R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // *Child Development*. 1984. № 55. P. 1299–1307.

Об авторе

54

Артур Александрович Реан — д-р психол. наук, проф., Московский университет МВД России.

E-mail: profrean@mail.ru

About the author

Prof. Artur Rean, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: profrean@mail.ru